

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ДИАЛОГИ

Мост к классике: Перед вручением Бунинской премии 2008 года

СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ БЭЛЗА, ЮРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ВОРОТНИКОВ,
ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ ЛУКОВ

22 октября 2008 г., за полчаса до начала церемонии вручения Бунинской премии, проходившей в Московском гуманитарном университете, состоялся обмен мнениями о значении премии и в целом литературных премий, о влиянии русской литературы на мировую культуру. В беседе приняли участие председатель жюри Бунинской премии Святослав Игоревич Бэлза, заместитель председателя жюри и член попечительского совета премии Юрий Леонидович Воротников. Беседу вел член жюри Бунинской премии Владимир Андреевич Луков. Святослав Игоревич Бэлза — известный литературовед и музыковед, автор исследований в области зарубежной литературы, русско-зарубежных культурных связей, его работы переведены на английский, итальянский, польский, чешский, словацкий, венгерский и другие языки. Он снискал широкую известность как телеведущий, установивший самую высокую планку требований к этой профессии в области освещения культурных событий. С. И. Бэлза — народный артист РФ, заслуженный деятель искусств РФ, действительный член Академии российского искусства, член Академии российского телевидения, член Союза писателей, Союза журналистов России, Союза театральных деятелей, он удостоен орденов России и других стран, ряда престижных премий.

Юрий Леонидович Воротников — теоретик-языковед, специалист в области грамматики, лексикологии, морфологии, синтаксиса и истории русского языка, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, ученый секретарь Отделения литературы и языка РАН, председатель Совета Российского гуманитарного научного фонда, председатель Общества любителей российской словесности, ответственный секретарь Совета по русскому языку при Правительстве РФ, лауреат Премии имени М. В. Ломоносова и премии «Хрустальная роза Виктора Розова». В 2008 г. попечительский совет Бунинской премии отметил этой премией Ю. А. Воротникова за вклад в поддержание российской словесности.

Владимир Андреевич Луков — ученый-филолог и культуролог, специалист в области исследования мировой литературы, а также теории литературы, теории и истории мировой культуры и других гуманитарных дисциплин, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук).

Приводим запись беседы.

Вл. А.: Вопрос к руководителям жюри Бунинской премии: не могли бы вы охарактеризовать эту премию в ряду других премий? Вы столько работали в различных жюри, в различных организациях, что перед вами весь веер, весь спектр различных премий перед глазами, в памяти. Есть ли какие-то осо-

бенности у Бунинской премии, которые ее чем-то выделяют, делают ее особенно любопытной для развития нашего словесного искусства?

С. Б.: Вы знаете, выделяет ее прежде всего имя Бунина. Премий у нас много, начиная с Государственной премии, есть даже не-

сколько Пушкинских премий. Слава богу, Россия богата гениями, в том числе в области литературы. Есть много премий всероссийского масштаба или локальных премий, которые носят имена великих русских прозаиков, поэтов, драматургов. Бунин в этом смысле выделяется тем, что дает нам возможность награждать и прозаиков, и поэтов, и публицистов, и переводчиков. Пока что прошло четыре присуждения, мы уже думаем о пятом и хотим, чтобы в будущем году премии получили поэты-переводчики и мастера художественной публицистики. Бунин — ведь это не только лауреат Нобелевской премии, что уже выделяет его из ряда, но и фигура необычайно привлекательная: это мост к классике, к Золотому веку через Серебряный век, сохранение лучших традиций изящной словесности. Бунин — тончайший Мастер стиля как в поэзии, так и в прозе. Бунин — это великий гражданин России, которую он должен был покинуть и вместе с тем остался, как Рахманинов в музыке, русским до мозга костей. Это служение России за рубежом продолжалось, и поэтому быть лауреатом премии Бунина, мне кажется, очень высокая честь, что сознают, на мой взгляд, и лауреаты. Я видел, с каким трепетом принимал премию, скажем, Андрей Битов, который увенчан уже множеством премий: дважды лауреат Государственной премии, лауреат Пушкинской премии и прочая... или Андрей Дементьев, который тоже не обойден славой. Понимаете, говорят, как корабль назовешь, так он и поплывет. И Бунинская премия вызывает уважение, даже некоторый трепет именно благодаря тому имени, которое было избрано в качестве «покровителя небесного», если хотите. Бунин был человеком строгим, и мы, как жюри, тоже должны проявлять здесь требовательную доброжелательность или доброжелательную требовательность. Эта премия должна быть очень разборчива, вернее, мы, жюри, должны быть разборчивы, поощряя все самое ценное, что есть в литературе, что укладывается в регламент премии. Мы должны поднимать значение са-

мой премии. И я думаю, мы на правильном пути.

Давайте спросим, что по этому поводу думает Юрий Леонидович — один из самых крупных филологов, человек, который может судить с отступом, так сказать, во времени, с ориентиром на вечные ценности.

Ю. В.: Спасибо, Святослав Игоревич, за такие слова, которые обязывают ко многому. Не знаю, смогу ли соответствовать этому в своем ответе... Могу полностью присоединиться ко всему, что сказано. Святослав Игоревич очень четко, точно и глубоко охарактеризовал нашу премию, ее особенности, ее суть. Я хотел бы только добавить еще один момент: Бунин, кроме того что он Нобелевский лауреат, еще и член Российской академии наук, Императорской академии наук по разряду изящной словесности. Поэтому — и это тоже составляет некую особенность нашей премии — в экспертизе поступающих работ и в работе жюри очень широко представлена наша академическая общественность. Это относится и к Святославу Игоревичу: мы его знаем во многих ипостасях, и одна из них — это академический ученый с огромным научным опытом. Таких литературных премий, где в работе экспертной системы премии широко принимают участие академическая общественность, академические ученые, у нас, наверное, просто нет других. Вот, пожалуй, мне, как члену-корреспонденту Российской академии наук, этот момент сам Бог велел отметить. Должен сказать, что в принципе сама идея этой премии родилась как раз в стенах РАН. Хотя вряд ли что получилось бы, если бы за дело не взялся Московский гуманитарный университет, его ректор Игорь Михайлович Ильинский. Во всем остальном я полностью присоединяюсь к мнению Святослава Игоревича. В следующем году у нас будет уже пятая премия. Мы имеем хорошую историю, и год от года наша премия становится все более популярной, и будем надеяться, что со временем она вообще станет российским аналогом Нобелевской премии.

Вл. Л.: Это было бы замечательно!

С. Б.: Надо динамит изобрести новый...

Вл. А.: Тогда Нобель обеспечен...

Ю. В.: Или водородное топливо.

Вл. А.: Или коллаидер. В связи с тем, откуда берутся деньги, я хочу отметить еще одну особенность премии — это очень необычный состав учредителей. Обратите внимание: негосударственные вузы — конкретные вузы (Московский гуманитарный университет, Национальный институт бизнеса, Институт современного искусства) и союзы таких вузов — собирают средства на литературную премию. Кроме того, что это очень непросто сделать, имеет значение то, что самим таким действием эти вузы берут на себя определенную функцию в литературном процессе. Ведь раньше, в XIX в., например, литературных премий фактически не было, это не было формой влияния на литературу, на писательское сообщество. Ни в XVII, ни в XVIII в. никто не поступал таким образом. Это некий новый признак XX в., а уж XXI и подавно, когда премия становится очень важным, значительным фактором развития литературного процесса. Без премии, пожалуй, уже нельзя в нем сориентироваться, так как увеличивается количество публикаций, увеличивается количество грамотных людей. Раньше это был небольшой круг, и они все всё знали.

Ю. В.: Увеличивается ли число грамотных людей — это вопрос, с этим можно поспорить.

Вл. А.: Демократизация образования привела к тому, что где-то оно вообще поголовное, а когда-то могло быть только 10% грамотных людей. Когда-то книги стоили безумные деньги...

С. Б.: И сейчас начинают стоить немалые!

Вл. А.: Сейчас редко встретишь библиотеку, состоящую из одной-двух книг. А для Средних веков одна-две книги — это богатство. В этом отношении, конечно, должны были появиться новые ориентиры, какие-то способы ориентации в этом литературном движении и способы воздействия на него. И вот с этой точки зрения как вы оцениваете перспективы, ждать ли нам возрождения,

нового Золотого века русской литературы, могут ли премии отметить сам этот процесс литературного продвижения в нашей стране, а может быть, и в мире в целом? Упоминание Нобелевской премии тут уместно.

С. Б.: Я думаю, каждую премию сравнивают с Оскаром или с Нобелевской. Это даже научно не очень корректно, ведь у разных премий разные задачи. Другое дело, что вы затронули важный момент, и я это подчеркивал уже раньше на пресс-конференциях: это действительно как-то трогательно, что люди не из сферы литературы, а из самых разных сфер, будь то образование или даже такое прозаическое дело, как бизнес, думают о развитии поэзии и поддержке поэзии, выделяют средства, и немалые. Мне очень нравится, что члены попечительского совета в целом и особенно Игорь Михайлович Ильинский воспринимают это как важное дело своей жизни и заботятся даже о мелочах. Бывают премии, знаете, какой-нибудь диплом на паршивенькой бумажке, какая-нибудь блямбочка, а тут заботятся и о полиграфии, и медаль, честно сказать, мне очень нравится. И я знаю мнение многих лауреатов, кто уже с гордостью обладает золотой или серебряной медалью: им очень нравится, и это важно. Для чего в принципе дается премия? Да, действительно, для того, чтобы дать какие-то ориентиры, чтобы стимулировать процесс развития в том или ином направлении. Литература сейчас в известной мере не то чтобы унижена, но она потеряла то социальное значение, какое было даже в советский период. Я уж не говорю о том, как Толстой был учителем жизни. В советский период Евтушенко сказал, что «Поэт в России — больше, чем поэт». Вот надо, чтобы поэт был не больше и не меньше, а чтобы поэт был по-этом, — и тогда его будут читать, будут и тоньше чувства, и выше мысли у людей. Поэтому эта премия действительно очень нужна. Надо сказать, что во всех видах искусства, в музыке, в изобразительном искусстве, в литературе, возрос уровень техники, ремесла. Средний уровень очень высокий, но наша задача — поддерживать то, что много

выше среднего уровня. Как говорил Козьма Прутков, «поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза». Мы поощряем талантливых писателей и тем самым даем пример и молодым, вступающим в литературу, и читателям. Мы своей премией привлекаем внимание к тем или иным авторам. Жюри своим коллективным авторитетом как бы дает рекомендации. Тем более что в этом году мы даем уже и специальные премии: премия такому выдающемуся поэту, как Николай Добронравов. Или диплом за дебют. Мы расширяем диапазон своей деятельности. И это важно с общественной точки зрения. Мой любимый автор Оскар Уайльд говорил, что все книги делятся на три категории: первая категория — это книги, которые следует читать, вторая — это книги, которые следует читать и перечитывать, третья категория, увы, самая обширная, — это книги, которые не следует читать вовсе. Вот посмотрите, сейчас на развалах, в магазинах человек стоит перед океаном печатной продукции, а жизнь человеческая не столь уж длинна, и подсчитано, сколько тысяч книг даже самый усердный книголюб может за свою жизнь прочитать, поэтому нужно быть разборчивым в своем чтении. В большей степени нужно быть разборчивым в пище духовной, чем в пище обычной, гастрономической. Мы в какой-то мере даем знак качества тому или иному автору, его произведениям. И хотя большинство наших лауреатов — люди, что называется, с именами, я думаю, что такая моральная поддержка, не говоря уже о поддержке материальной, очень важна. В этом признавались наши лауреаты прежних лет. Я думаю, мы будем продолжать эту общественно полезную деятельность.

Вл. А.: В нашей беседе я хотел бы выйти за рамки Бунинской премии.

С. Б.: Давайте выйдем!

Вл. А.: Вы, Святослав Игоревич, только что были во Франции, а Юрий Леонидович только что вернулся из Вьетнама...

С. Б.: Дан приказ ему на Восток, а мне в другую сторону... Я бывал во Вьетнаме тоже.

Ю. В.: А я бывал во Франции.

С. Б.: Я догадываюсь!

Вл. А.: Вопрос такой. Как сейчас в мировом контексте смотрится движение нашей русской культуры? Есть ли здесь какие-то направления, которые можно отметить, заметить в этом сопоставлении за счет того, что у вас замечательная наблюдательность, умение сопоставлять?

С. Б.: Это еще журналистские навыки. Знаете, когда я был в том же Вьетнаме с нашими выдающимися музыкантами, были Дни России во Вьетнаме. Мы встречались в Консерватории, в министерстве культуры, в вузах. Почти весь руководящий состав, профессура с огромной симпатией относятся к русской культуре. И это все понятно, так как значительный процент из них — выпускники советских вузов. Россия при всех социальных катаклизмах остается сверхдержавой в области культуры. Таково и отношение к нам. Возьмем, опять же, музыку. Сейчас на многих престижных музыкальных конкурсах очень часто побеждают представители азиатских стран: Южной Кореи, Китая, Японии, Вьетнама. Если посмотреть их биографию, то они либо воспитанники русских профессоров, либо ученики тех, кто учился у наших профессоров.

Вл. А.: То есть школа наша!

С. Б.: Школа наша. И в балете, и в исполнительском искусстве... В литературе — иное, но русская литература со времен XIX в. пользуется уважением. В Японии Чехов, Достоевский, Толстой — любимые писатели, можно сказать, национальные. Чайковский — национальный композитор, он звучит там везде, может быть, даже больше, чем у нас. Чайковский вообще самый исполняемый композитор в мире. Влияние русской культуры огромно. Академик Раушенбах в свое время написал на заре перестройки, в 1987 г., в 70-ю годовщину Октябрьской революции, в газете, которая тогда еще называлась «Советская культура», что Октябрьская революция, конечно, была трагедией для России, но она дала колоссальный позитивный опыт для человечества в целом.

В силу этих драматических обстоятельств из России выехало огромное количество талантливых, энергичных людей, которые дали толчок развитию культуры, науки, бизнеса и на Востоке, и на Западе, где угодно. Если проследить все последствия вклада русской эмиграции в мировую культуру, он огромен и еще по-настоящему не оценен. Я встречался со многими представителями первой волны эмиграции и с их потомками. В тех странах, которые были избраны их семьями для жизни, они играют очень важную роль во всех областях жизни. Так что Россия — тут можно действительно не бояться громких слов — выступает духовным донором, а теперь уже не только духовным.

Вл. Л.: Не будем бояться громких слов. Юрий Леонидович, есть ли у вас что добавить в отношении...

Ю. В.: Добавить можно только одно. Абсолютно согласен с тем, что, к сожалению,

только в сфере культуры мы и остались сверхдержавой. Мы ушли из многих областей. Мы уже и в военной сфере не сверхдержава, и в экономической — не сверхдержава, а в области культуры, вне всякого сомнения, Россия — великая сверхдержава. Это верно и на Востоке, и на Западе. На Западе все-таки очень часто мы слышим, скажем так, не очень приятные для нас оценки современного состояния нашей жизни в разных сферах, но никто никогда не подвергал сомнению огромную роль России в культурной жизни человечества. И вот в этом отношении, конечно, роль нашего Патрона огромна (я имею в виду И. А. Бунина). И это налагает огромную ответственность и на нашу премию, и на наше жюри.

Вл. Л.: Пойдемте, это докажем.

С. Б.: Пойдемте, займемся приятнейшим делом — пополним список лауреатов Бунинской премии.